

душевные состояния, Лермонтов и Герцен видят одинаковые или хотя бы сходные пути разрешения терзающих душу таких людей противоречий.

Прежде всего, необходимо, как нам кажется, учесть тот факт, что Герцен говорит не о романтизме вообще, а о романтизме как течении в науке. То же самое относится и к противопоставлению эмпирии и идеализма. Как бы ни применимы были, в конечном счете, отдельные детали герценовской концепции к душевному состоянию человека той эпохи, а значит и к герою Лермонтова, нельзя, думается, отождествлять выводы, к которым приходят в своих произведениях поэт-романтик и философ-материалист.

Значительно ближе к Лермонтову Белинский — и потому, что его увлечение романтизмом было сильнее и долговечнее, чем у Герцена, и, главное, потому, что он говорит о романтизме в сфере литературы и душевного мира человека.

Романтический «искус» Белинский проходит в кружке Грановского, где господствуют отвлеченные идеи немецкой философии, сквозь призму которых рассматриваются конкретные проблемы действительности. Отсюда, в частности, чисто романтический взгляд критика на любовь, так ярко прозвучавший в его письмах периода увлечения Л. А. Бакуниной¹.

Но мужественная и трезвая мысль и сердце, движимое на столько романтической идеей свободы личности, сколько альтруистическим стремлением к «свободе всех», в конце концов, приводят критика к отрицанию романтического индивидуализма и абстрактности и выработке более близких к жизни социальных, этических идеалов.

Эти идеалы находят себе выражение в его теории «нового романтизма», трактуемого как проблема личности («внутреннего человека») в ее отношении к миру, к обществу, к истории. Наиболее четко эта теория изложена Белинским во 2-ой статье *Сочинений А. Пушкина*, где он различает «романтизм средних веков», несущий в себе черты старого мировоззрения, и «новый», или «новейший романтизм», который рассматривается им как этика нового человека, порвавшего с предрассудками средневековой морали, замыкавшей человека в безвыходный мир внутренних переживаний, и вышедшего на простор «шумно несущейся жизни». Противопоставляя этот последний «романтизм» первому, Белинский говорит об его существенно ином отношении к любви: «... наш новейший романтизм не думает отрицать любви, как естественного стремления сердца, но только требует, чтоб это стремление не было подземною, темною, адскою силою, вовлекающею человека, как в пасть гремучей змеи, в бездну погибели. Не отнимая у чувства свободы, наш романтизм требует, чтобы и чувство, в свою очередь, не отнимало у человека свободы, а свобода есть разумность»² (подч. нами — Е. Л.). По-иному разрешает

¹ Характерно, что в это время критик употребляет и чисто романтическую терминологию. Ср. отрывок из письма к Иванову: «... бог есть любовь и истина. Бог не есть нечто отдельное от мира, но бог в мире, потому что он везде» (В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, М., 1953—1959, т. XI, стр. 145); из письма к Бакунину в связи с увлечением его сестрой: «... вид Ангелов возбуждает в чертах только сознание их падения» (XI, 174); «... необходимое следствие любви без взаимности это — колебание между небом и землею» (XI, 215) и др.

² В. Г. Белинский, *Полное собр. соч.*, Москва, 1955, т. VII, стр. 174.